

Быть минусинскихъ инородцевъ, какимъ онъ изображается въ ихъ поэмахъ.

Изученіе быта мѣстныхъ инородцевъ постановленіемъ бывшаго въ Казани собранія преосвященныхъ архіереевъ признано важнымъ средствомъ, содѣйствующимъ успѣху миссій.

Источникомъ для изученія быта и вѣрованій инородцевъ, кромѣ непосредственнаго наблюденія, можетъ служить мѣстная инородческая устная литература. Въ ней инородцы сами рисуютъ такъ или иначе свой бытъ.

Большая часть поэмъ минусинскихъ инородцевъ описываетъ богатырскіе подвиги, но есть и такія поэмы, которыя не касаются брачныхъ подвиговъ, а имѣютъ въ виду мирную жизнь инородцевъ, и изображаютъ внутренній бытъ ихъ жизни обыденной. Такова сообщенная о. Н. Орфеевымъ, легенда минусинскихъ инородцевъ о *князьяхъ, жившихъ на Абаканѣ и на Енисей*. По содержанію, поэма относится еще къ тѣмъ временамъ, когда здѣсь русскихъ не было, и татары владѣли берегами Качи и Енисея, и здѣсь жили. Но тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя бытовыя черты инородцевъ, изображенные въ поэмѣ, приложимы къ нимъ и теперь.

Теперь, положимъ, нѣтъ уже князей инородческихъ, нѣтъ, кажется, и улусныхъ начальниковъ, о которыхъ упоминается въ поэмѣ. Но тѣмъ не менѣе, среди нихъ сохранилось такое же простое обращеніе богатыхъ инородцевъ съ бѣдными, какое мы видимъ въ отношеніяхъ князей ко всѣмъ другимъ инородцамъ. — Изъ бытовыхъ чертъ, сохранившихся теперь, примѣчательны: 1) списываемое въ поэмѣ похищеніе невѣсты; 2) отношеніе инородцевъ къ шаману и какой-то жепциѣ-колдуньѣ. О шаманѣ говорится, между прочимъ, что душа его,

во время акта шаманства, может переносится въ тѣ мѣста, куда онъ пожелаетъ; 3) свадьба, сопровождаемая пиршествомъ, и калымъ за невѣсту. Наконецъ, въ поэмѣ говорится о самоубійствѣ на могилѣ любимаго существа. Эта черта уже совершенно исчезла. Въ заключеніе, не можемъ не указать на содержащееся въ поэмѣ вѣрованіе инородцевъ относительно того, какъ страшно караютъ шамановъ тѣ духи, которыхъ они не призываютъ на помощь. Въ поэмѣ говорится о странномъ мщеніи двухъ такихъ обиженныхъ духовъ. Вотъ содержаніе поэмы о князьяхъ на Абаканѣ и Енисей. *)

Жилъ когда-то, при устьи Абакана, недалеко отъ горы, которая стоитъ возлѣ Управы, **) богатый князь-инородецъ и управлялъ народомъ, жившимъ внизъ и вверхъ по теченію р. Абакана. Народъ любилъ и уважалъ его; инородцы пользовались подъ его правленіемъ благосостояніемъ. Князь былъ благоразуменъ, щедръ; судъ его былъ справедливый. Онъ былъ татаринъ молодой, красивый, ловкій; никто лучше его не накидывалъ на лошадь аркана, никто не могъ такъ вывздить самую дикую лошадь, какъ князь. Онъ былъ не женатъ, потому что не могъ выбрать себѣ ни одной дѣвушки изъ своего рода, которая бы могла быть такою женой, какую онъ желалъ. Было много красивыхъ, но съ дурнымъ характеромъ, или наоборотъ. Однажды пріѣхалъ къ нему въ гости съ рѣчки Качи родственникъ, тоже князь, жившій прѣ впаденіи р. Качи въ Енисей. Гость предложилъ абаканскому князю поѣхать съ нимъ къ Енисею посмотреть его народъ. Князь, не долго думая, согласился; власть свою на время передалъ одному уважаемому имъ старику — родственнику. Обрадовались инородцы, проживающіе по Енисею, гостю — князю: слава о его кроткомъ умѣ, судѣ и управленіи распространилась и среди нихъ. Здѣшніе татары приглашали къ себѣ абаканскаго князя, хотя бы на минуту. По добротѣ душевной, уважая просьбы всѣхъ, князь

*) Отъ ред.

**) Т. е. возлѣ инородческой Абаканской Управы.

постарался посѣтить все улусы и каждую юрту. Пробыль въ гостяхъ и разъѣздахъ почти полгода и, возвращаясь домой, по пути, заѣхалъ въ одинъ улусъ, въ которомъ еще не былъ. Замѣтный хозяинъ одной юрты, начальникъ этого улуса, принялъ князя радушно и старался угостить его чѣмъ только возможно, а наипаче — аракой. Собрался въ этотъ улусъ проводить князя и изъ другихъ мѣстъ — мужчины, женщины и дѣвицы. Въ числѣ пріѣхавшихъ князь увидѣлъ дѣвушку, которая ему понравилась; онъ узналъ, что она дочь достаточныхъ родителей и происходитъ изъ княжескаго рода. Но князь спѣшилъ домой и отложилъ сватовство до другаго раза; однако освѣдомился, желаетъ ли она быть его женою, и получилъ согласіе. Пробывъ въ улусѣ у гостепріимнаго хозяина весьма короткое время, князь распростился и поѣхалъ домой, но какъ только онъ оставилъ улусъ, веселость его покинула и онъ сдѣлался задумчивъ. Возвратясь домой, онъ нашелъ все въ порядкѣ и очень сожалѣлъ, что торопился. Подчиненные увидѣли въ князѣ сильную перемену, спросить же его не смѣли, а провожатые ничего не знали. День ото дня князь сталъ худѣть. Долго думали родственники, чѣмъ бы ему помочь, и, наконецъ, обратились къ шаману. Это былъ *улухъ шаманъ* (т. е. самый большой, много знающій шаманъ); долго онъ шаманилъ: что есть мочи — колотилъ въ бубенъ, и, наконецъ, передъ разсвѣтомъ узналъ отъ собравшихся, послѣ его заклинаній, шайтановъ, что болѣзни у князя нѣтъ, но что онъ худѣетъ отъ грусти по избранной имъ невѣстѣ, что и невѣста груститъ равнымъ образомъ. Во время акта шаманства шаманъ былъ восхищенъ душою на Енисей въ ту юрту, гдѣ жила красавица. Онъ былъ пораженъ красотой дѣвушки и далъ себѣ слово завладѣть ею. Кончивъ шаманство, шаманъ передалъ народу, что князь скоро поправится, только бы старались уговаривать его никуда не ѣздить. Дѣйствительно, послѣ этого князь сталъ поправляться. Шаманъ же на другой день послѣ шаманства уѣхалъ ночью домой. Съ отъѣздомъ его

пропалъ *) и любимый конь князя вмѣстѣ съ сѣдломъ. Сколько его не искали, найти не могли. Послалъ князь къ старухѣ волшебницѣ, которая жила не подалеку, спросить: куда убѣжалъ его конь, или кѣмъ уведенъ. Ворожея сказала, что коня укралъ шаманъ, а искать его надо на Енисеѣ. Родственники сознались, что они, не спросившись князя, приглашали улухъ шамана лѣчить его. Раздумываетъ князь, какъ наказать похитителя любимой лошади; а шаманъ, между тѣмъ, принявъ видъ князя, явился къ отцу высватанной имъ невѣсты и сталъ торопить скорѣе сдѣлать свадьбу. Родители невѣсты были согласны, но требовали отъ него калымъ, который бы вполне обезпечивалъ ихъ старость. Зная богатство князя, размѣръ калыма назначили очень большой. Шаманъ увѣрялъ родителей невѣсты, что на-дняхъ привезутъ сокровища и пригонять табуны скота и лошадей, а самъ, между тѣмъ, обдумывалъ, какъ бы украсть дѣвушку. Князь, жившій на Енисеѣ, очень удивился, что прибывшій съ Абакана князь, его другъ, проживъ нѣсколько времени въ сосѣдствѣ, не посѣтилъ его; но, принимая во вниманіе молодость князя и привязанность его къ дѣвушкѣ, извѣщая ему это и рѣшился самъ поѣхать къ нему на свиданіе, захвативъ съ собою лучшаго, самаго красиваго коня, до такой степени дикаго и свирѣпаго, что ни самъ онъ, ни изъ другихъ искусныхъ наѣздниковъ инородцевъ, никто не рѣшался сѣсть на него верхомъ. Зная, что молодой князь такой славный наѣздникъ, какаго никогда не было, онъ предложилъ князю этого коня въ подарокъ, но съ условіемъ показать свое искусство. Хотя шаманъ и принялъ образъ князя, но привычекъ, характера и ловкости въ немъ не было отъ природы, а пріобрѣсть ихъ силою волшебства онъ былъ не въ состояніи. Упражняясь съ малолѣтства въ шаманствѣ, онъ былъ плохой наѣздникъ; князь же, думая, что это настоящій князь, неотступно просилъ принять подарокъ и поѣздить на конѣ верхомъ. Нечего было дѣлать

*) Т. е. потерялся.

шаману: надо было покориться горькой участи. Осѣдлали дикую стреноженную лошадь, и держать ее нѣсколько человекъ. Она храпитъ. Шаманъ, призывая духовъ на помощь, съ трепетомъ подошелъ къ коню; вскочилъ на сѣдло. Лошадь, пущенная на свободу, принялась бить задомъ и передомъ, вскочила на дыбы и сбросила съ себя шамана. Несчастный упалъ, но такъ неловко, что личина князя *) съ него слетѣла и онъ замертво внесенъ былъ въ юрту. Енисейскій князь и инородцы разсуждали, что слава о наѣздничествѣ князя — чистая ложь. Вошелъ князь въ юрту, въ которой лежалъ шаманъ, открылъ его лицо и не узналъ князя: вмѣсто молодого князя, лежалъ тамъ сѣдой старикъ съ искаженнымъ лицомъ. Дался диву князь и спросилъ будущаго своего зятя: „а гдѣ же князь?“ Ему отвѣчали, что онъ на него смотритъ. Взяло сомнѣніе князя: не другой ли это человекъ. Между тѣмъ шаманъ, потерявъ личину, притворился безчувственнымъ и не оставлялъ намѣренія ночью же украсть дѣвушку. Съ наступленіемъ глубокой полночи, ни шамана, ни дѣвушки не стало. Утромъ хватились ихъ. Въ тотъ же день явился къ будущему тестю настоящій князь, — съ сокровищами, скотомъ и лошадьми. Онъ былъ весьма опечаленъ, пораженный разсказаннымъ, и нисколько не медля, отправился, въ сопровожденіи людей, друга-князя и тестя, искать похитителя и похищенную. Искали три дня, спрашивали каждаго встрѣчнаго, поперечнаго, но слѣдовъ не находили. Остановились для отдыха на берегу Енисея. Абаканскій князь, задумавшись, заѣхалъ въ густую чащу лѣса и услышалъ ржаніе лошади; но, такъ какъ уже стемнѣло, то онъ не поѣхалъ въ лѣсъ, а воротился къ товарищамъ и только разсказалъ имъ, что слышалъ будто бы знакомый ему голосъ лошади. Настало ясное утро; отправились въ путь и на высокой горѣ увидѣли привязаннаго къ дереву коня. Это былъ любимый конь Абаканскаго князя. Не въ далекомъ разстояніи отъ привязаннаго коня замѣтили дымъ, под-

*) Какъ понимать эту «личину князя», — неизвѣстно. Ред.

нижавшійся изъ подъ земли. Мѣсто, гдѣ видѣли дымъ, заросло кустарникомъ и было завалено камнями. Мигомъ все было разворочено, — и глазамъ путниковъ представилась глубокая темная пещера; попробовали туда спуститься, но не могли вынести удушливаго дыма. Стали искать другаго входа въ пещеру; въ половинѣ утеса, надъ Еписеемъ, замѣтили отверстіе. Сдѣлали арканъ изъ поводьевъ; по нему спустился къ отверстию абаканскій князь, а за нимъ — и остальные. Черезъ подземный проходъ, спускавшійся все ниже и ниже, дошли они до глубокой пропасти; въ ней увидѣли дѣвушку, которая, услышавъ шумъ надъ головою, закричала имъ, чтобы они привязали арканъ къ выдающемуся уступу и спустили бы веревку для спасенія ея. Князь-женихъ, недолго думая, исполнилъ требованіе и спустился самъ. Въ пропасти онъ увидѣлъ шамана, который лежитъ, окровавленный, подъ громаднымъ оборвавшимся обломкомъ скалы. По рассказамъ дѣвушки, два страшные шайтана, обитающіе въ этой пещерѣ, не потерпѣли присутствія здѣсь шамана; потому что онъ, уважая другихъ ихъ товарищей, ни разу не обращался съ просьбами при шаманствѣ къ нимъ. Они оторвали камень и бросили на него. Такъ погибъ шаманъ.

Дѣвушка была освобождена изъ страшной пропасти и вышла замужъ за абаканскаго князя. По этому случаю дней черезъ десять послѣ освобожденія дѣвушки, на рѣкѣ Абаканѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Управа, — было устроено миршество.

Абаканскій князь съ женою прожили до глубокой старости, оставивъ послѣ себя большое потомство. Когда умерла жена князя, послѣдній, не желая разстаться съ нею и послѣ ея смерти,*) передавъ управленіе народомъ болѣе разумному изъ инородцевъ, поразилъ себя на могилѣ своей жены въ грудь пожемъ.

Священникъ Николай Орфеевъ.

*) Новое доказательство того, что инородцы вѣрятъ въ загробную жизнь. Ред.